

Глава 3. Изображение «безумия» как явления социальной психологии (аномалии внешнего мира)

«Безумие мира» как явление социальной психологии представлено в произведениях Чехова сквозной развернутой метафорой, основанной на мировоззренческой антитезе нравственной нормы/аномалии. В ряде произведений «безумие мира» описывается непосредственно через фиксацию нравственных аномалий общества, нередко в виде собирательных образов («Дама с собачкой», «Ионыч»). В других произведениях метафора «безумие мира» как бы свернута, представлена опосредованно, через психопатологию отдельной личности, имеющую в числе прочих и социальные корни.

Очевидно, что между психопатологией личности и «безумием мира» существует сложная система взаимосвязей: безумие мира порождает безумие личности («Припадок»); патология личности отражает, а в некоторых случаях и порождает безумие мира; нормой считается аномалия и наоборот и т.д. Установление характера этих взаимосвязей представляет собой завершающий этап исследования.

3.1 Анализ сквозной для творчества Чехова метафоры

«безумие мира»

Кроме безумия личности, в творчестве Чехова существует еще один важный тип безумия – безумие мира, сквозная тема, основанная на мировоззренческих для Чехова категориях нормы и аномалии. В данном параграфе будут проанализированы десять произведений, в которых эта тема представлена особенно ярко. В некоторых рассказах аномалия мира изображается через конкретную ситуацию, например в «Смерти чиновника», «Припадке», «Именинах», «Случае из практики»; в других рассказах она раскрывается путем изображения более или менее длительного периода в жизни героев, например в «Даме с собачкой», «Ионыче», «Учителе словесности», «Человеке в футляре». В повести «Палата № 6» оба типа изображения совмещаются, произведение

приобретает символическое значение, отражая перевернутость представлений нормы и аномалии в обществе. Именно особенности изображения безумия мира определяют последовательность анализа произведений в данном параграфе. В каждом рассказе выделяется определенный аспект действительности и устанавливается характер его деформации, на этой основе делается заключение о социально-психологических аномалиях общества в представлении Чехова.

3.1.1 Смерть чиновника

«Смерть чиновника» является самым ранним рассказом писателя, который рассматривается в этом параграфе. Сюжет его чрезвычайно прост: маленький чиновник Червяков извиняется перед генералом пять раз за то, что, нечаянно чихнув в театре, обрызгал его слюной, а потом умирает, будучи уверен, что генерал не простил его.

В основе сюжета лежат реальные отношения в системе государственного управления, представляющей собой жесткую иерархию, а рамках которой взаимоотношения чиновников разных классов строятся по принципу «чин чина почитай». Высокий чин обеспечивает положение в обществе, дает власть над нижестоящими, поэтому приобретает особую ценность в общественном мнении. Формируется определенная социальная психология с простой, четко организованной системой ценностей, в которой личность теряет индивидуальные черты и воспринимается только как социальная единица, обладающая теми или иными правами и обязанностями. Давление социальной психологии приводит к гиперболизированному чиновничеству, к самоуничтожению. Так формируется психология маленького человека: для мелкого чиновника «сановник в полном смысле слова какое-то высшее существо»²¹⁸, а если это так, то сам он в своих глазах ничтожно мал и бесправен.

В предыдущей главе смерть чиновника анализировалась с точки зрения аномалии личности; в данном параграфе та же проблема исследуется с точки зрения аномалии общества. Психология Червякова, по сути дела, - порождение социальной психологии, базирующейся на искаженной системе ценностей. Насколько глубоко эта система укоренилась в общественном и, естественно, индивидуальном сознании,

---

²¹⁸ См. Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 2, с. 511 (П. Н. Краснов)

свидетельствует хотя бы тот факт, что даже жена Червякова, никогда не служившая, не имеющая никакого отношения к чиновничьей иерархии, испугалась, когда узнала, что муж «обидел» генерала.

Юмористическая тональность рассказа не снижает остроты и серьезности поставленной в нем проблемы. Чинопочитание, господствующее в обществе, приводит к утрате чувства собственного достоинства людьми, находящимися на низших ступенях иерархической лестницы, а это, для Чехова, безусловно, аномалия.

Как уже говорилось, образ «маленького человека» в рассказе «Смерть чиновника» сильно отличается от аналогичных образов-предшественников в русской литературе. Герои «Шинели» Гоголя и «Бедных людей» Достоевского вызвали у авторов и читателей сочувствие. У Чехова совершенно иная трактовка темы, ситуация носит трагифарсовый характер, посредством образа Червякова писатель раскрывает аномалии социальной психологии. Это свидетельствует о том, что для Чехова, «привычная оценочная шкала... не абсолютна»²¹⁹, то, что считается в обществе нормой, для него является аномалией.

3.1.2 Припадок

В рассказе «Припадок» аномалия мира также изображается через случайную ситуацию, в которой, тем не менее, отражено реальное социальное явление – проституция. Но главное внимание писателя сосредоточено на восприятии этого явления подавляющим большинством людей, которые приходят на эту улицу. Это проблема нравственной аномалии. Впечатление читателей усиливается тем, что отношение людей к проституции дается через восприятие крайне чувствительного к любой боли, к любому насилию студента Васильева.

В предыдущей главе уже анализировались персонажи этого рассказа. Однако следует еще раз подчеркнуть, что все они от проституток, извозчиков, лакеев до образованных господ, служащих либо клиентов публичного дома относятся к

---

²¹⁹ Сухих И. «С высшей точки зрения» (О художественной философии Чехова) // В мире отечественной классики, сост. Д. Николаева, М.: Художественная литература, 1987, с. 290.

проституции одинаково равнодушно. Собственно, это равнодушное соучастие в социальном зле, в унижении и оскорблении, а, по словам Васильева, медленном убийстве человека человеком и составляет основную нравственную коллизию рассказа. Никто ничего не хочет изменить – ни «жертвы», ни «насилыники». И Васильев, наделенный обостренным чувством чужой боли, пораженный обыденностью зла, выглядит среди них чудаком, белой вороной, вызывает смех, а, в конечном счете, раздражение даже у своих друзей.

Безнравственность общества, проявляющаяся в этом рассказе в отношении людей к проституции, на самом деле, часть более широкой проблемы тотального безразличия людей друг к другу, их нежелания и неспособности понять чужую боль. Чтобы убедиться в мотивированности этого обобщения, достаточно вспомнить рассказы «Тоска» и «Враги». В «Припадке» Чехов показывает, что человек, который видит безнравственность, но никак не противодействует ей, хотя бы своей эмоциональной реакцией, тем самым незаметно помогает злу распространяться в мире, и потому равнодушие есть часть зла. Обыденность зла смешивает, переворачивает представления о норме и аномалии, порождает уникальный феномен, очень точно названный Г. Бялым «ненормальное нормальное».

Выше уже цитировалось письмо Чехова, в котором он писал, что мы не знаем, что такое норма, но отлично представляем себе, что такое аномалия. Возможно, это высказывание связано с тем, что в мире, в частности в ситуации, изображенной в «Припадке», сила зла преобладает, зло множественно, явно и поэтому узнаваемо. Это отражено и в художественной системе рассказа, где Васильеву, по существу, носителю нормы человечности, противопоставлены все остальные многочисленные второстепенные и эпизодические персонажи, как бы сливающиеся в единый собирательный образ мира нормальных, с точки зрения общества, ненормальных, с позиций нравственности, людей.

В конце рассказа после того, как Васильев принял лекарств и «лениво поплелся в университет», его мучительная душевная боль притупилась, утихла. Возможно, именно это изменение состояния дало повод Ю. И. Айхенвальду предположить, что постепенно Васильев привыкнет к безобразию мира, станет в конце концов таким же

равнодушным, как окружающие²²⁰. Эта точка зрения, однако, кажется не очень убедительной, ведь прообраз Васильева – Всеволод Гаршин, душевная боль которого со временем не только не притупилась, но, напротив, привела его к трагической гибели. Возможно также, что на суждение Айхенвальда повлияли другие рассказы Чехова, в которых изначально, условно говоря, положительный герой, под влиянием объективных и субъективных причин постепенно деградирует и ассимилируется со средой, как, например, доктор Старцев из рассказа «Ионыч». Подобные герои в чеховском творчестве не единичны, что косвенно свидетельствует об агрессивности зла.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что аномалия мира, изображенная в «Припадке», представляет собой нравственную аномалию, Чехов показывает равнодушное, холодное отношение людей к социальному злу. Следует отметить, что в произведениях писателя нет чудовищных преступлений и отпетых злодеев: зло у него повседневно, обыденно, повсеместно, и от этого кажется еще более страшным.

3.1.3 Именины

Современные Чехову критики по-разному оценивали рассказ «Именины». Некоторые из них отрицательно отзывались о его стиле, характере изображения жизни. Так, П. П. Перцов считал, что основным недостатком рассказа является его отрывочность, неясность, непродуманность содержания и непонимание автором общественной стороны жизни; Н. Ладожский называл рассказ «длинноватым и скучноватым»; а для К. Ф. Головина «Именины» являлись примером неумения Чехова дать целостную картину жизни²²¹. В подобных оценках проявилось нередкое при жизни писателя непонимание новаторского характера его творчества. В отличие от детального и последовательного описания течения жизни, свойственного русскому реализму XIX века, чеховское повествование намеренно фрагментарно, однако, каждый «фрагмент» при внимательном чтении дает достаточно полное представление о целом. Новизна, непривычность такого способа изображения жизни и послужила причиной упреков в «неясности». «Именины» действительно складываются из ряда фрагментов,

---

²²⁰ Айхенвальд Ю. И. Чехов // А.П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 727.

²²¹ См. там же, с. 657-658.

но отбираются они с определенной целью, чтобы через обыденные мелочи показать определенный стиль жизни.

Повествование в «Именинах» ведется от лица героини Ольги, и это также не случайно, поскольку ее восприятие обострено физическим состоянием – она ждет ребенка. Описание именин, увиденных глазами другого человека или той же Ольги в ее обычном состоянии, сняло бы резкость реакций, может быть, преувеличенную, но тогда бы картина всеобщей фальши и лжи не была бы такой яркой. Неискренность отношений между людьми, бесконечную игру без цели и конца, в которой принимала участие и она сама, Ольга видела и прежде, но терпела как неизбежность. Приемы гостей – неотъемлемая часть образа жизни людей ее круга, своеобразный ритуал, в котором слишком много формы и слишком мало содержания, но ритуал принятый, необходимый, привычно и безропотно выполняемый. Находясь в возбужденном, раздраженном состоянии духа, Ольга сгущает краски, преувеличивает пороки окружающих: «Все, казались ей, бездарны, бледны, недалеки, узки, фальшивы, бессердечны, все говорили не то, что думали, и делали не то, что хотели»²²². На самом деле ничего особенно дурного в каждом из ее гостей, взятых по отдельности, нет, но, собираясь вместе, отправляя никому по существу ненужный ритуал, они невольно начинают фальшивить и лицемерить. Привычная игра для Ольги становится настоящей мукой: «Господи, боже мой... к чему эта каторжная работа? К чему эти люди толкуются здесь и делают вид, что им весело? К чему я улыбаюсь и лгу? Не понимаю, не понимаю!»²²³ Суррогат общения, лишённого в своей основе теплых человеческих отношений, терпимый прежде, в настоящий момент воспринимается как «каторжная работа». Все как будто боятся «молчания», поэтому стараются заполнить время пустыми разговорами, ненужной, надуманной дискуссией, хотя удовольствия такое общение никому не приносит. Герои становятся самими собой только, когда находятся в одиночестве. Так, на лице мужа Ольги появляется мучительное выражение, отражающее его внутреннюю тревогу и неудовлетворенность собой, когда он думает, что никто не видит его.

Таким образом, можно сделать вывод, что когда человек живет «явной жизнью»

---

²²² Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 7, с. 184-185.

²²³ Там же, с. 187.

(выражение Гурова из рассказа «Дама с собачкой»), он по необходимости лжет и лицемерит, что само по себе является аномалией. И только, оставаясь в одиночестве или наедине с очень близкими людьми, он говорит и действует искренне и естественно. Получается, что люди как бы заставляют друг друга играть скучные надоевшие роли, а истинное «я» приходится скрывать в «тайной жизни». Но разве это нормально, разве общение людей не должно быть другим? Вот вопрос, который задает Чехов в рассказе «Именины».

3.1.4 Случай из практики

Сюжет рассказа «Случай из практики», как и большинство чеховских сюжетов, достаточно прост: врач приехал лечить владелицу завода, и причину ее недомогания увидел в ненормальности обстановки, в которой она живет. Как отмечает Г. Бялый, этот рассказ представляет собой реализацию темы «ненормальности нормального», т.е. призрачности, фантастичности, алогизма, иррациональности действительности²²⁴. Все это воплощено в символическом образе дьявола, о котором невольно вспоминает врач Королев во время ночной прогулки по территории завода. Психическая аномалия личности (странная мучительная тревога Лизы) в этом рассказе порождается аномалией социально-экономического устройства общества.

Хотя гувернантка уверяет, что хозяева заботятся о рабочих, что условия жизни у них очень даже неплохие – ставятся спектакли, есть библиотека, чайная, но Королев, глядя на рабочих, «угадывает физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность»²²⁵ - следы тяжелого физического труда и плохих условий жизни. Бессмысленность, «логическая несообразность» заключается в том, что в результате никто не счастлив - ни рабочие, ни хозяева; а плодами тяжелого труда пользуется одна лишь гувернантка, которая со вкусом ест и пьет по вечерам мадеру.

Будучи врачом, герой сравнивает жизнь завода с болезнью: на фабрике он «смотрел как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустранима, и все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению

²²⁴ См. Бялый А. Г. Антон Павлович Чехов // История русской литературы XIX века: Вторая половина, с. 551.

²²⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 10, с. 271.

неизлечимых болезней»²²⁶. Социально-экономические отношения в обществе уподобляются неизлечимой болезни, причины которой установить достаточно трудно, настолько они многообразны и сложны; болезнь эта имеет долгую историю, поэтому невозможно излечить ее за короткое время. Королев вспоминает о каменном веке, о том, что эта аномалия существует издавна, многие тысячелетия, и ему кажется, что это могучая, неподвластная человеку сила, бороться с которой невозможно. Отсюда, вероятно, появляется образ дьявола.

Первоначально образ дьявола возникает по ассоциации с ночным заводом, в одном из корпусов которого в темноте светятся два окна, похожие на два багровых глаза, а грохот заводских машин кажется Королеву голосом монстра. Этот образ вызывает «странное, неудобное» ощущение в душе врача, хотя Чехов замечает, что в дьявола Королев не верил. Появляется мысль о *«неведомой силе, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь»*; «и сильный, и слабый одинаково падают жертвой своих взаимных отношений, невольно покоряясь какой-то *направляющей силе, неизвестной, стоящей вне жизни, посторонней человеку»*²²⁷. Чехов настойчиво подчеркивает безличность, внечеловечность могучей, неведомой силы, направляющей жизнь людей.

Финал рассказа, как это часто бывает у Чехова, остается открытым, но мрачное настроение, владевшее Королевым во время ночной прогулки, уступает место более светлому, радостному. Это проявляется, прежде всего, в разговоре с Лизой - Королев чувствует ее доброту, чистоту, отзывчивость, а эти черты диаметрально противоположны дьявольскому началу. Контраст между зловещей ночью и солнечным утром говорит о том, что все-таки в ненормальной жизни есть нормальные люди, и это тот «свет», который Чехов дает читателям после страшной ночной тьмы, которая смотрит на человека багровыми глазами дьявола.

Таким образом, в «Случае из практики» аномалия общества анализируется в социально-экономическом аспекте, подчеркивается ненормальность отношений между сильными и слабыми, существующая на протяжении всей истории человеческой

---

²²⁶ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 10с. 276.

²²⁷ Там же, с. 276-277.

цивилизации.

3.1.5 Дама с собачкой

В рассказе «Дама с собачкой» безумие упоминается всего лишь раз в метафорическом контексте, и все же эта мысль пронизывает все произведение. Нудное ежедневное общение, вообще весь стиль жизни столичных обывателей сравнивается Гуровым с сумасшедшим домом: живешь «точно сидишь в сумасшедшем доме или в тюрьме...»²²⁸. Среда, в которой он благополучно прожил большую часть своей жизни, после встречи с Анной Сергеевной представляется ему уродливой, отталкивающей: «дикие нравы», «неистовая игра в карты», «обжорство, пьянство», «постоянные разговоры все об одном».

Переоценка ценностей возникает под влиянием растущего в нем чувства к «даме с собачкой», т.е. когда его жизнь освещается одним из «высших смыслов бытия». Несмотря на то, что желчная, эмоционально насыщенная реакция Гурова по возвращении в Москву вызвана его непосредственным окружением, очевидно, что и «дикие нравы», и «сумасшедший дом», и «тюрьма» - все эти уничижительные характеристики относятся не только к столице, но и к курортной Ялте, и к провинциальному городу, в котором живет Анна Сергеевна.

«Соблазнительная» мысль Гурова при первой встрече с Анной Сергеевной о «легкой, мимолетной связи» – не что иное, как характеристика психологии обывателя, поскольку Гуров в то время всецело принадлежит своей среде, чувствует и мыслит стереотипами, в ней принятыми. Вот почему его так раздражают слезы Анны Сергеевны, она «слишком серьезно» восприняла то, что произошло между ними. Ее реакция не укладывается в привычные рамки курортного романа, который для того только затевается, чтобы приятно провести время, и никакой глубины чувств не предполагает. То же и в Москве. И клубные вечера, и юбилеи, и ежедневные газеты – все это круг стандартных ситуаций, для каждой из которых определен ритуал поведения и стереотип эмоциональных реакций. То же и в провинции, где муж-лакей – уважаемое лицо в городе, где окна дома, в котором живет Анна Сергеевна, упираются в глухой

---

²²⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.10, с. 137.

забор, утыканный гвоздями, от которого хочется убежать.

Интересно отметить, что художественные образы рассказов, в которых развивается тема безумия, повторяются. Сквозная метафора ведет за собой сквозные мотивы и образы. Мотив сумасшедшего дома и тюрьмы, образ серого глухого забора встречается и в «Палате № 6»; а мотив бегства из «сумасшедшего дома» звучит в финале «Учителя словесности».

Завершая анализ рассказа «Дама с собачкой» в аспекте «безумия мира», следует отметить, что объектом изображения здесь является образ жизни обывателя, распространенный повсеместно и представляющий собой набор стандартных ситуаций. Принимая этот образ жизни, человек, говоря словами Никитина из «Учителя словесности», сужает «мир» до крошечного «мирка», превращая тем самым жизнь в отправление социально-бытовых функций.

3.1.6 Ионыч

Аналогичный аспект «безумия мира» изображается и в рассказе «Ионыч». Но здесь тема пошлости, ограниченности, внутреннего бескультурья занимает центральное место, и поэтому звучит еще острее. Появляется и новая чрезвычайно важная характеристика обывательской среды, способной постепенно, «мало-помалу» затягивать и ассимилировать личность, не имеющую воли и желания сопротивляться – агрессивность.

В «Ионыче» Чехов передает атмосферу, царящую в городе С., главным образом, через изображение семьи Туркиных, которая считается «самой образованной и талантливой семьей в городе». Для того, чтобы показать монотонность, отсутствие движения, живой жизни в обывательской среде, Чехов использует прием сюжетного повтора: дважды, в начале и перед финальным эпизодом главный герой Старцев проводит вечер в доме Туркиных. Между этими эпизодами проходит несколько лет, но в доме Туркиных все, как прежде: все те же плоские остроты Ивана Петровича, бездарные романы Веры Иосифовны, все тот же Пава, гости, ужин, чаепитие – имитация жизни и общения. И если самая образованная семья такова, то каков же

уровень других горожан.

Со временем Старцев понимает, что «пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человека, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, ... как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти»²²⁹. Метафизичность и пустота обывательского существования является следствием деформации истинной жизни, для которой характерны содержательность и непрерывность движения и, следовательно, представляет собой отклонение от нормы, определенной самой природой. В городе С., по мнению А. С. Волжского, «широко разворачивается картина обыденной жизни с ее торжеством пошлости, мелочности, жестокой бессмыслицы, тупой скуки и безнадежной тоски»²³⁰. А. Л. Волынский подчеркивает национальный характер изображаемого: «фон и действующие на этом фоне лица – настоящая русская действительность», а «медленный, вялый темп их жизни... характерен для России»²³¹ в целом.

Агрессивность обывательской среды проявляется в динамике образа Дмитрия Ионыча Старцева. На протяжении нескольких лет герой кардинально меняется, причем это и физическое, и психологическое изменение. Сначала Старцев молодой земский врач, энергичный, неглупый, образованный, способный любить. С годами медленно, но неуклонно он ассимилируется со средой, превращаясь в жадного, тупого обывателя, лишенного памяти сердца. Существуют различные объяснения деградации Ионыча. Так, Н. Душин считает, что его губит пошлость среды²³². У Д. Н. Овсяннико-Куликовского иное мнение: «Ионыч» - отнюдь не рассказ «на старую, избитую тему о том, как “среда заедает свежего человека”»; благодаря природному уму Старцев понимает заурядность и пошлость обывателей города, но он и сам не выключен «из рутины, которая ему так ненавистна в других»²³³. Суждение Овсяннико-Куликовского представляется более глубоким, ведь Ионыч, презирая обывателей, давая им достаточно точную и желчную характеристику, тем не менее, не отказывается от их образа жизни, создавая себе своего

---

²²⁹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.10, с. 35.

²³⁰ Там же, с. 366.

²³¹ Волынский А. Л. Антон Чехов//А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 361.

²³² См. Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.10, с. 366.

²³³ Цит. по: Там же, с. 367.

рода футляр – игра в карты и деньги становятся формой, а затем и смыслом его существования.

Если сравнить «Ионыча» с «Дамой с собачкой», то можно заметить, что оба героя на определенном этапе своей жизни противостоят окружающим. Но если Гуров под влиянием любви возрождается, то Старцев проходит путь нравственной и интеллектуальной деградации. Между двумя рассказами есть и еще одно сходство/различие: в жизни обоих героев случается любовь. Как одна из «высших целей бытия» любовь разбудила Гурова, позволила ему увидеть людей и собственную жизнь другими глазами, привела к переоценке ценностей, вырвала, если не физически, то нравственно из плена среды. Любовь Старцева изначально не лишена меркантильности («А приданого они дадут, должно быть, немало...»), возможно, поэтому, а также в силу стечения обстоятельств она становится лишь случайным эпизодом, который со временем стирается из памяти.

3.1.7 Учитель словесности

В рассказе «Крыжовник» Иван Иванович Чимша-Гималайский, описывая жизнь своего брата в усадьбе, с горечью говорит о том, как много в мире счастливых людей и как хорошо было бы, если бы у двери каждого был молоточек и кто-нибудь время от времени ударял им в дверь, напоминая о том, что есть рядом боль и страдание. Следует отметить, что здесь имеется в виду особое «счастье» - тупое самодовольство, наслаждение, даже упоение «мелочами быта». Именно этой особенности обывательской жизни посвящен рассказ «Учитель словесности».

Первую часть рассказа Чехов назвал «Обыватели». В ней изображается жизнь провинциальных обывателей, состоящая из катания на лошадях, прогулок по городу, балов, поверхностных дискуссий, карточной игры. Герой рассказа учитель словесности Никитин вполне доволен такой жизнью. После женитьбы на Маше Шелестовой он безмерно счастлив, и свое счастье воспринимает как «явление вполне естественное, последовательное, логически верное», потому что создал его сам «владеет им по праву»²³⁴. Но в конце рассказа Никитин неожиданно для самого себя понимает, что

---

²³⁴ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8, с. 327.

счастье это «досталось ему даром, понапрасну»²³⁵, сам он не приложил никаких усилий к его достижению. С этого момента начинается стремительное прозрение, которое приводит к мучительному осознанию невыносимости старой жизни, от которой ему хочется бежать.

Многим критикам такое внезапное изменение мироощущения Никитина представлялось не очень убедительным: «Почему, например, “учитель словесности”, всегда живший пошляком, без малейшего сомнения в своих поступках, вдруг, возвращаясь после одного проигрыша в карты домой, почувствовал, что он чиновник и лгун и что все таковы?»²³⁶. Но внезапность эта кажущаяся. На самом деле, рядом деталей Чехов еще в «счастливый» период жизни Никитина намекает на возможность изменения. Однажды после литературной дискуссии, один старик пытается поговорить с Никитиным о литературе, но с удивлением узнает, что Никитин «не читал Лессинга». Этот разговор является как бы сигналом, напоминанием Никитину о его умственной лени. Другим важным эпизодом является смерть учителя географии и истории Ипполита Ипполитыча. Этот человек был одинок, никогда не знал любви, а значит, был несчастлив. Его смерть вызывает у Никитина нечто похожее на угрызения совести, ощущение «тяжести счастья». Случайная фраза, брошенная кем-то в клубе, «у Никитина куры денег не клюют» становится толчком к осознанию ненужности «дармового» счастья рядом с вечно озабоченной хозяйственными расчетами женой. Сначала он пытается успокоить себя тем, что эта мысль от нервов, но потом замечает, что никак не может избавиться от нее, и тогда возникает страстное желание «бежать отсюда, бежать сегодня же»²³⁷, иначе можно сойти с ума.

Маша, в первой части рассказа юное, прелестное существо, после замужества превращается в скуповатую мещанку. Горшочки со сметаной, кувшины с молоком становятся содержанием и смыслом ее существования. Это превращение, как обычно у Чехова, внутренне мотивировано. Осуждая Полянского, не сделавшего всеми ожидаемого предложения ее сестре, Маша изрекает «истину»: «Если не намерен

---

²³⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8, с. 329.

²³⁶ Липовский А. Представители современной русской повести оценка их литературной критики. «Литературный вестник», 1901, №5, с. 23.

²³⁷ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8, с. 332.

жениться, то не ходи»²³⁸. На вопрос Никитина, должен ли был он жениться на ней, если ходил в дом, Маша без тени смущения, убежденная в своей правоте, отвечает утвердительно. Потрясенный Никитин, прежде уверенный, что их союз был свободным, понимает, что этот «мирок», основанный на расчетах, в который он добровольно себя запер, существовал изначально, только он ничего не видел, ослепленный мещанским «счастьем».

По мнению Глинки-Волжского, «широко развернутая в его (Чехова) произведениях картина обывательской жизни, нарисованная на фоне все проникающей власти обыденщины, не укладывается в узкие исторические рамки 80-х гг., а идет далеко вширь и вглубь русской действительности, как прошлых, так и будущих десятилетий»²³⁹. «Власть обыденщины», безусловно, может рассматриваться как социально-бытовая и социально-психологическая аномалия, воспринимаемая как безумие людьми типа Гурова и Никитина, по тем или иным причинам, внутренне порвавшими со средой.

3.1.8 Скучная история

Тема пошлости обывательской жизни – одна из центральных в творчестве Чехова. В «Скучной истории» повествование ведется от лица тяжело больного старого профессора, что вызывает ощущение, будто эта пошлость длится особенно долго, целую жизнь и будет существовать после его смерти. В общении с коллегой, («Как бы сердечно мы ни были расположены друг к другу, мы не можем, чтобы не золотить нашей речи всякой китайщиной, вроде: «вы изволили справедливо заметить»...»²⁴⁰), со студентом, который просит удовлетворительную оценку, в холодных отношениях в семье («У меня такое чувство, как будто когда-то я жил дома с настоящей семьей, а теперь в гостях...»²⁴¹), в злословии Кати профессор видит что-то ненормальное, нечестное, но продолжает жить по заведенному шаблону. Вырваться из обыденщины достаточно трудно, даже молодому человеку («Учитель словесности»), а герой «Скучной истории» уже старик, подавленный страхом смерти, для него это просто

²³⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8, с. 330.

²³⁹ Там же, т.7, с. 511.

²⁴⁰ Там же, с. 264.

²⁴¹ Там же, с. 278.

непосильная задача.

Ненормальность жизни проявляется не только в пошлости, но и в отношениях между людьми. Обычно члены семьи заботятся друг за друга, в семье Николая Степановича все по-другому: жена и дочь совершенно равнодушны к его болезни, а сам он не интересуется их жизнью, поэтому не замечает, когда и как произошли изменения в их психологии. Фактически это он, беззаветно преданный науке, погруженный в нее, является источником равнодушия. Вот что писал о своем герое Чехов: «Мой герой - и это одна из его главных черт - слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли»²⁴². В этой повести Чехов сосредоточил внимание именно на этой стороне ненормальности в отношениях между людьми: вместо тепла и душевной близости мы видим холодность, разъединение, непонимание. И это равнодушие выходит далеко за рамки семьи, формируя огромное, холодное пространство, населенное одинокими страдающими людьми.

3.1.9 Человек в футляре

Во второй главе подробно анализировался образ «футляра», символизирующий страх перед жизнью главного героя Беликова. Лишенный внутреннего нравственного закона он создает свод правил, чтобы обрести чувство безопасности и навязывает его окружающим; в городе воцаряется атмосфера страха, «необыкновенно благоприятная для умственного застоя, духовного мрака и процветания всяческой неправды»²⁴³. Возникает вопрос, почему такой ничтожный человек, как Беликов, в течение пятнадцати лет заставлял целый город жить по своей формуле страха «как бы чего не вышло»? И ведь люди все были «мыслящие, порядочные, читали и Щедрина, и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели...»²⁴⁴ Почему чувство страха так легко заполнило пространство их души? И почему оно совершенно чуждо приезжим Коваленкам, составляющим разительный контраст с местными обывателями? Ответ Чехова вытекает именно из этого противопоставления в системе

²⁴² Чехов А. П. ПСП в 12 тт., т.3, с. 255.

²⁴³ Джонсон И. В поисках за правдой и смыслом жизни // А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с.415.

²⁴⁴ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т 10, с. 44.

персонажей. Коваленки - внутренне свободные люди, а это и есть норма, по Чехову; горожане этой свободы лишены, поэтому так легко подчиняются беликовской норме – что не разрешено, то запрещено.

После смерти Беликова все вздохнули с облегчением, но очень скоро жизнь вошла в привычное русло, потому что феномен «человека в футляре» не единичен: «Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!»²⁴⁵ Феномен Беликова не единичен, потому что он порождение среды, квинтэссенция страха несвободных людей перед жизнью в самых разнообразных ее проявлениях.

В конце рассказа есть ночной пейзаж. Красота и гармония природы подчеркивает безобразие, уродство человеческой жизни, которая, по словам Ивана Ивановича, представляет собой гигантский футляр: «проводить всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорить и слушать разный вздор», «сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена... Разве это не футляр?»²⁴⁶ Трагичность, безысходность сложившегося порядка вещей отметил А. И. Богданович: «Г-н Чехов не дает ни малейшего утешения, не открывает ни щелочки просвета в этом футляре, который покрывает нашу жизнь... Созданная им картина получает характер трагической неизбежности»²⁴⁷.

3.1.10 Палата № 6

В предыдущей главе были проанализированы особенности психических отклонений у главных героев повести Громова и Рагина. Как уже говорилось, существует две основные причины психического заболевания Громова субъективная и объективная: его слабая психика, с одной стороны, безобразие действительности – с другой. Последняя причина непосредственно связана с темой данного параграфа. Безобразие мира здесь проявляется в навязчивой идее неизбежного ареста, возможного, с точки зрения

---

²⁴⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т 10, с. 53

²⁴⁶ Там же, с. 53-54.

²⁴⁷ Богданович А. И. Критические заметки//А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 263.

Громова, в силу отсутствия справедливости в мире. Виновность человека определяется не фактами и доказательствами. Если человек попал в бездушный механизм государственной машины, он может быть осужден и лишен свободы, независимо от того, виновен он или нет. Причем в обществе насилие над личностью поддерживается и приветствуется, а редкие оправдательные приговоры, напротив, вызывают недоумение и недовольство.

Несмотря на болезнь, у Громова сохраняется интеллект и ясность ума. В его раздраженных пламенных речах содержится суровая, но достаточно справедливая критика общества: «в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразя ее насилием, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами»²⁴⁸. Громов часто сгущает краски, не знает полутонов и переходов, поскольку по натуре он максималист, но все же суть явления – аномалию образа жизни и психологии обывателя – он схватывает верно. Таким образом, можно сказать, что мир в представлении Громова – это мир насилия, отсутствия справедливости и пошлости.

В докторе Рагине отражается другой тип аномалии мира – тотальное равнодушие ко всему, что происходит вокруг. Равнодушие Рагина привело к тому, что он махнул рукой на чудовищные больничные порядки и даже перестал лечить больных. Не только он, но и медицинские сестры, фельдшер, члены управы – никто не обращает внимания на положение дел в больнице. Не удивительно поэтому, что там царит хаос. Все, кто имеет возможность и право исправить положение, относятся к этому совершенно равнодушно, поэтому страдающие остаются страдающими, как пациенты палаты № 6, до которых никому нет дела.

В разговоре с Рагиным Громов говорит, что «десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе»²⁴⁹. Смысл этого высказывания заключается в том, что люди не умеют отличать норму от аномалии. Выше уже говорилось, что повесть вызывает ощущение «перевернутости мира»: то, что считается нормой, оказывается аномалией, и наоборот. Громов однажды упрекнул Рагина: «Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть

---

²⁴⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8, с. 76.

²⁴⁹ Там же, с. 95.

тут за всех, как козлы отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы сидим, а вы нет?»²⁵⁰ Критерием душевного здоровья для Громова является нравственность; с его точки зрения, мир «здоровых» людей безнравствен, больные же, запертые в палате № 6, и чище и порядочнее их. Возникает парадокс, который Громов не в состоянии разрешить. Чувство долга, любовь к людям, к жизни гораздо более нормальны, чем равнодушные и своекорыстные обывателей.

Кроме Громова, в палате № 6 еще четверо больных. Никто из них не опасен для общества, они слабы и беспомощны. Но сторож Никита держит их под замком и почти ежедневно избивает, для него это нормальный способ поддержания порядка. Никита как бы воплощает на этом маленьком пространстве «все насилие мира», направленное против самых незащитных его представителей.

В эпизоде освидетельствования умственных способностей Рагина также подчеркивается контраст между двумя мирами. Члены комиссии заранее убеждены в ненормальности Рагина, потому что его поведение отличается от общепринятого: «Вы монах: в карты не играете, женщин не любите. Скучно вам с нашим братом»²⁵¹. Он не такой, как они, да еще с сумасшедшим Громовым общается, значит, сам психически болен. Когда Рагин пытается рассказать о своих искренних переживаниях по поводу того, как бездарно и бессмысленно живут люди: «Как глубоко жаль, что горожане тратят свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты и сплетни, а не умеют и не хотят проводить время в интересной беседе и чтении, не хотят пользоваться наслаждениями, какие дает ум»²⁵², то получает в ответ оскорбительный вопрос: «какое сегодня число?» Его слова о необходимости содержательной, осмысленной жизни воспринимаются как бред сумасшедшего, на них даже не реагируют.

Образ «палаты № 6» вырастает в символ огромной обобщающей силы. Грязная комната, в которой заперты страдающие, обездоленные люди, является символом произвола государства и равнодушия общества; одновременно это символ

---

²⁵⁰ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.8 с. 95.

²⁵¹ Там же, с. 107.

²⁵² Там же, с. 107

«перевернутости» мира, в котором нормой считается аномалия, и наоборот. Современник Чехова Н.Лесков подчеркнул обобщенно-символический характер повести: «В “Палате № 6” в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду – палата № 6. Это – Россия...»²⁵³.

Выводы

В этом параграфе тема безумия мира рассматривалась в десяти произведениях Чехова. Порядок анализа определялся способом изображения безумия мира. В ранний период творчества отдельные аномалии действительности изображаются, как правило, через конкретную ситуацию; в зрелый период Чехов обычно описывает более или менее продолжительный отрезок жизни героев, аномалии становятся не единичными, связанными с отдельными уродливыми проявлениями в жизни, а складываются в единую картину безумия мира. В рассказе «Человек в футляре» и повести «Палата № 6» этот феномен приобретает обобщающее, символическое значение. Как справедливо отметил Г.А. Бялый, «отклонением от нормы он (Чехов) начинает считать не только вопиющие факты социального зла, прямое бесчестие или прямую ложь в отношениях между людьми. Отклонение от нормы может быть буднично»²⁵⁴, повседневно и всеобъемлюще.

Можно выделить два типа аномалий мира в творчестве Чехова. Первый тип – это социальные аномалии, включающие социально-экономическое («Случай из практики») и политическое («Палата № 6») устройство общества. К другому типу аномалий относятся образ жизни, характер мышления и особенности психологии обывателя, погруженного в мелочную, монотонную обыденность.

Как уже отмечалось, между аномалией личности и аномалиями окружающей человека действительности существует тесная взаимосвязь. Именно эта проблема и является объектом исследования в следующем заключительном параграфе диссертации.

---

²⁵³ «А. П. Чехов в воспоминаниях современников». М., 1947, с. 316.

²⁵⁴ Бялый Г. А. Чехов и русский реализм, Ленинград: Советский писатель, 1981, с. 7

3.2 Характер взаимосвязи между «безумием мира» и психопатологией личности

В большинстве произведений, проанализированных в данном параграфе, представлены ситуации, когда мир влияет на человека. По характеру влияния можно выделить три типа героев: первый тип представляет собой аномальную личность, сформированную по образу и подобию среды (например, Червяков, герой рассказа «Смерть чиновника»); второй тип – постепенное уподобление нормального человека аномальному обществу (например, герои рассказов «Ионыч», «Крыжовник»); наконец, последний тип отражает отрицательное воздействие общества на психологию человека. Последний тип характеризуется разной степенью отрицательного воздействия. Так, у Гурова («Дама с собачкой») и Никитина («Учитель словесности») окружающие люди вызывает отвращение и желание бежать, но при этом влияние мира не приводит к нарушениям в психике. Более сильное воздействие на психику героев встречается в рассказах «Именины», «Страх», «Случай из практики». Здесь можно говорить о ситуативно обусловленных психопатических реакциях как результате длительного накопления отрицательного воздействия окружающей действительности. Максимально сильное влияние на психику человека находим в рассказах «Припадок» и «Палата № 6», герои которых страдают психическими заболеваниями. Помимо влияния мира на человека существует более сложный тип связи, когда аномалии мира и личности взаимно влияют друг на друга. Так, в рассказах «Унтер Пришибеев», «Крыжовник» и «Человек в футляре» психические отклонения героев, с одной стороны, производны от аномалии мира, с другой – они сами оказывают влияние на окружающих. А в «Человеке в футляре» вообще единственный человек формирует атмосферу жизни целого города. Одностороннее влияние психопатической личности на мир в творчестве Чехова не выявлено.

3.2.1 Влияние «безумия мира» на человека: формирование аномальной личности, подобной миру

Герой рассказа «Смерть чиновника» Червяков является порождением и частью аномального мира. Под влиянием жесткой иерархии, господствующей в системе государственного управления, в общественном сознании видоизменяются,

деформируются общечеловеческие критерии ценностей. В результате личность теряет индивидуальность и воспринимается лишь как социальная единица. Однако эта ситуация совсем не мучает «маленького человека» Червякова, напротив, он целиком принимает эту иерархию, свой «низкий статус». Искаженная система ценностей в его глазах – естественное, нормальное положение вещей, освоенное им как внутренний закон. Можно сказать, что такой тип людей формируется окружающей средой: общество с аномальной психологией порождает людей, подобных себе.

Образ Червякова, его поведение и сам факт смерти – литературная гипербола, вызывающая комический эффект. Но в рассказе есть другой образ, который более соответствует реальной жизни – жена Червякова. В принципе они занимают одинаковую позицию: оба согласны с необходимостью извиниться перед генералом. Разница между ними только в интенсивности реакции. Образ жены Червякова позволяет нам увидеть его «реальное лицо», дает понять, что таких людей достаточно много.

По сравнению с другими персонажами генерал представляется более нормальным человеком: перед ним извинились, он извинил, и этим вопрос для него исчерпан. Далее происходит столкновение нормы и аномалии, которое проявляется в полном непонимании друг друга: «Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал», «Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном»²⁵⁵. То, что читателям и генералу кажется странным и смешным, Червяков воспринимает со всей серьезностью. Напротив, «нормальная» реакция генерала Червякову непонятна, вызывает у него страх и ощущение катастрофичности ситуации. По отношениям Червякова и генерала можно судить о мощном потенциале вмешательства аномалий в жизнь нормального человека.

Сравнение образов героя, его жены и генерала проясняет характер взаимосвязи Червякова и аномального мира. С одной стороны, такой тип личности порождается аномальным миром, где чин стирает человеческое достоинство; с другой – такая аномалия может вместе с миром мешать жизни нормального человека.

---

²⁵⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 2, с. 165-166.

3.2.2 Влияние «безумия мира» на человека: уподобление нормального человека аномальному миру

Задачей данного подпараграфа является анализ процесса уподобления героя среде, превращения молодого земского врача в Ионыча. В.Б. Катаев считает, что «мотив *превращения* в рассказе сопряжен с темой времени». ²⁵⁶ Действительно, повествуя о разных периодах жизни героя, писатель показывает происходящие в нем изменения. Каждая часть рассказа начинается с указания на течение времени: «Прошло больше года», «Прошло четыре года», «Прошло еще несколько лет», затем описываются изменения во внешности, социальном положении, образе жизни и мыслей Старцева - процесс уподобления героя аномальному миру осуществляется в четыре этапа.

В начале рассказа Дмитрий Ионович Старцев - трудолюбивый, жизнерадостный молодой человек. Его жизнь земского врача, полная трудов и забот, резко отличается от праздного существования семьи Туркиных, которую ему рекомендуют как самую образованную в городе. Уже во время первого визита он отлично понимает, что все «talанты» Туркиных: остроумие Ивана Петровича, романы Веры Иосифовны, фортепьянные экзерсисы Котика – фикция. Прибегая к приему внутренней речи, Чехов через восприятие молодого врача дает оценку обывателей города С.: если самая талантливая семья в городе так бездарна, то что же говорить об остальных. И все же в восприятии Старцева есть двойственность, так что фразы, передающие его ощущения, стоят по типу «да, плохо, но *все-таки* хорошо». «Вера Иосифовна... читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и *все-таки* слушать было приятно, удобно, и в голову шли все такие хорошие, покойные мысли», «после зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, *но все же* культурные звуки, — было так приятно, так ново...» ²⁵⁷.

Двойственность восприятия отражает двойственность личности Старцева: с одной стороны, у него нормальная система ценностей, согласно которой искусство, лишенное души и истинной глубины, - бездарность и пошлость. С другой стороны, в нем есть

---

²⁵⁶ Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX-XX веков, с. 436

²⁵⁷ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 10, с. 26, 27

некоторая душевная лень, склонность к сибаритству – было «приятно, удобно, ново», а также способность адаптироваться к ситуации и вести себя в соответствии с принятыми правилами поведения. Так, после игры Котика он вместе со всеми аплодирует и говорит ей комплименты. По мнению И. Турвича: «с этих, вроде бы невинных комплиментов, и началось его мещанское перерождение»²⁵⁸. Таким образом, уже в первой части рассказа мы видим, что уподобление в целом нормальной личности аномальной среде осуществляется при определенных субъективных предпосылках – слабости воли, склонности к внешнему комфорту, душевной лени.

На следующем этапе главным в жизни Старцева становится безответная любовь к Котику, его «единственная и, вероятно, последняя» радость. В.Б. Катаев считает, что неудача в любви – начало превращения Старцева в Ионыча.²⁵⁹ Однако эта причина чисто внешняя, есть и другая, на наш взгляд, более важная, связанная с личностью самого Старцева. Достаточно вспомнить отнюдь не романтические размышления Дмитрия Ионыча перед тем, как он сделал предложение Котику, т.е. задолго до осознания неудачи в любви. Ожидая появления Екатерины Ивановны, он думает о приданом, о будущей удобной жизни, о том, что он сможет бросить свою работу. Поэтому неудача в любви – важная веха - с этого момента духовная жизнь его стремительно угасает, уступая место стремлению к деньгам, комфорту, богатству, но не начало превращения Старцева в обывателя.

В следующей части Старцев изображается через четыре года. Его все еще раздражает глупость и ограниченность обывателей, но «мало помалу» он втягивается в их образ жизни, проводит свободное время в клубе за обедом и игрой в карты. Материальные интересы постепенно вытесняют духовное начало. Это хорошо видно во время разговора с Екатериной Ивановной в саду: на какое-то мгновение вспыхивает искра былой любви, вызывая сожаление, что жизнь проходит так бездарно, но тут же гаснет. На последнем этапе упоминание о Екатерине Ивановне ничего вызывает в его душе, кроме ассоциации с игрой на «фортепьянах». Труд становится только способом накопления денег. Наступает духовная смерть.

---

²⁵⁸ Турвич И. Проза Чехова, с. 91.

²⁵⁹ Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX-XX веков, с. 437-438

«У Чехова акцент стоит на том, что человек *невольно*, неумышленно вовлекается в круговращение будней, исподволь разрушающее его сознание и чувство».²⁶⁰ Однако следует еще раз подчеркнуть, что виновата не только среда, но и сам человек. Ведь не все персонажи у Чехова уподобляются окружению, а только люди без воли, которые не имеют высших целей бытия. Кроме того, в рассказе показано, какую огромную силу влияния на личность имеет внешний мир - всего за пять лет он полностью уподобляет себе Старцева, оказавшегося бессильным перед давлением среды.

Похожий путь проходит герой рассказа «Крыжовник» Николай Иванович. Но в этом рассказе связь между безумием мира и личностью двусторонняя, поэтому он будет анализироваться в четвертом подпараграфе.

3.2.3 Влияние «безумия мира» на человека: отрицательное воздействие на психику нормального человека

Как уже отмечалось, этот тип воздействия может проявляться в большей или меньшей степени. В рассказах «Дама с собачкой» и «Учитель словесности» влияние минимальное, оно не приводит к болезненным реакциям, но вызывает устойчивое чувство досады и раздражения. Изменения эмоциональных реакций на окружающую действительность героев обоих рассказов очень похожи, поэтому в данном параграфе они будут анализироваться вместе для удобства сравнения, а так же с целью избежать повторов.

В начале рассказов оба героя – простые обыватели, которые наслаждаются своей жизнью. Потом в силу обстоятельств (любовь Гурова к Анне Сергеевне; слова партнера по клубу у Никитина) они осознают пошлость жизни и стремятся найти выход из этого состояния. Такого рода превращение диаметрально противоположно превращению Ионыча - процесс уподобления сменяется процессом расподобления, поэтому основной задачей исследования на данном этапе является анализ нового отношения героев к прежним ценностям после их духовного прозрения.

После возрождения жизнь Гурова начинает казаться ему невыносимой,

---

²⁶⁰ Турвич И. Проза Чехова, с. 91.

представляется сумасшедшим домом или тюрьмой. Слово «сумасшедший» раскрывает противоречие между миром и Гуровым: герой ненавидит окружающую его пошлость, поэтому называет ее сумасшествием, т.е. аномалией. А сумасшедший дом и тюрьма, как известно, представляют собой замкнутое пространство, в котором человек лишен свободы. Посредством этой метафоры Гуров выражает свое стремление бежать от жизни. Пустые разговоры, винт, тягостное общение кажутся ему каторжным трудом. Следовательно, пошлость для Гурова так же тяжела, как и безрадостный, принудительный труд.

В «Учителе словесности» также встречается метафора «безумие», правда, в несколько ином контексте. Прозревший Никитин боится сойти с ума, оставаясь в пределах замкнутого мирка прежде казавшейся ему счастливой семейной жизни. Как и в «Даме с собачкой», эта метафора передает противоречие между героем и миром: герой больше не может выносить «страшной, оскорбительной» пошлости. Кроме того, у Никитина возникает новое чувство – беспокойство, он начинает думать о «других», о множестве несчастных людей, до которых ему прежде не было дела.

Оба, и Гуров, и Никитин, страдают от безумия мира, стремятся бежать, но оба рассказа остаются с открытым финалом. Этот художественный прием приводит к мысли о том, что человеку очень трудно изменить аномальный мир и, собственно, некуда бежать. Обоим героям остается один путь – двойная жизнь: явная и тайная. В явной они живут по законам окружающего мира, терпя пошлость, ложь и тупость обывателей. А настоящее «я» они сохраняют для тайной жизни. У Гурова она связана с Анной Сергеевной, Никитин остается в одиночестве. Для каждого это временное бегство от аномалий мира. Герои этих двух рассказов пока могут «выносить» безумие мира. В рассказах «Именины», «Страх», «Случай из практики» влияние аномалий окружающей действительности приводит к психическим срывам, частичной деформации личности.

В обществе существуют различные «ритуалы», связанные со светским общением. Именно эти ритуалы и являются главной мукой для героев рассказа «Именины». В течение целого дня, принимая гостей, Ольга и ее муж стараются скрыть свои настоящие чувства, улыбаются, говорят любезности, а на самом деле страшно тягостятся ролью

хозяев. Для Ольги, как и для Гурова, суета, пустые разговоры, фальшивые улыбки - все равно, что «каторжные работы». Как Гурову и Никитину, ей хочется бежать от этих гостей, от суеты и лжи.

Страданий Ольги на именинах никто не замечает. Когда гости попросили чая, «никто не понимал, что все эти мелочи были мучительны для хозяйки, да и трудно было понять, так как Ольга Михайловна все время приветливо улыбалась и болтала вздор»²⁶¹. На самом деле не только хозяйка, но и все гости лгали, делали вид, что им весело. Здесь еще раз подчеркивается, что в «явной жизни» все обязаны соблюдать правила аномального мира. Возможно, среди гостей есть страдающие гуровы и никитины, но каждый играет свою роль, прячет от других свое «я». Получается, что в «явной жизни» все выглядят как безумцы. Разница в том, что аномальный человек относится к этому равнодушно, а для нормального это мучительно.

Истерика Ольги в «Именинах» - временное состояние, а боязнь жизни героя рассказа «Страх» постоянна. Дело в том, что Силин по натуре очень чувствительный человек, к тому же источником его страхов является именно сама жизнь в самых разнообразных ее проявлениях. Ему страшны отношения между чиновниками в Петербурге, страшна нищета крестьян, страшны даже отношения в собственной семье. В отличие от других героев Силин пытается изолировать себя, но убежать от обыденных мелочей невозможно.

Страх Силина весьма специфичен. Когда он пытается поделиться своими проблемами с человеком, которого считает единственным другом, то получает в ответ незамысловатую формулу: «Страшно то, что непонятно». Силин с жаром принимается развивать болезную для него тему, один за другим перечисляя факты, с которыми он постоянно сталкивается в жизни и которые вызывают у него страх, потому что необъяснимы, непонятны. Большинство людей на подобные факты не обращает внимания – настолько они привычны. В данном случае мы можем говорить об особом складе психики, при котором человек болезненно реагирует на аномалии общества, ставшие для большинства обыденностью.

---

²⁶¹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 186.

Аналогичный тип личности встречается в рассказе «Случай из практики». Странная болезнь Лизы вызвана, с одной стороны, ее обостренной чувствительностью, с другой – воздействием обстоятельств, в которых она вынуждена существовать. В разговоре с доктором Лиза пытается объяснить свое состояние: «Мне кажется, что у меня не болезнь, а беспокоюсь я и мне страшно, потому что так должно и иначе быть не может». На что доктор отвечает: «Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите...»²⁶², т.е. доктор достаточно ясно указывает на то, что и беспокойство, и страхи Лизы вызваны ее социальным статусом владелицы фабрики. Единственный выход, который он может предложить Лизе, - «поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола»²⁶³ - нереален, потому что убежать от фабрики, как и вообще от аномальной жизни, невозможно. Лиза ищет человека, который бы понял ее и тем самым облегчил ее страдания: «Мне хотелось бы поговорить не с доктором, а с близким человеком, с другом, который бы понял меня, убедил бы меня, что я права или неправа»²⁶⁴. Ей не с кем говорить о ее проблемах: жизнь замкнута домом, говорить можно только с не очень образованной мамой и скучной гувернанткой. Получается, что в «Случае из практики» мир опять односторонне влияет на человека: аномалии окружающей действительности вызывают болезнь Лизы, но бежать от них некуда; успокоиться, поведав о своих бедах в откровенном разговоре с духовно близким человеком, также трудно. Лизе остается только одно - терпеть.

Очевидно, что герои трех проанализированных рассказов принадлежат к одному нравственно-психологическому типу. Каждый из них является носителем общечеловеческой нормы и обладает повышенной чувствительности ко лжи, фальши, несправедливости. Поэтому каждый из них по-своему, но всегда болезненно реагирует на аномалии мира.

Наиболее полно черты этого типа личности выражены в героях рассказа «Припадок» и повести «Палата № 6». Здесь взаимодействие личности и мира приводит не просто к нарушению эмоционального равновесия человека, но вызывает психические заболевания.

---

²⁶² Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 279-280.

²⁶³ Там же, с. 279.

²⁶⁴ Там же, с.279.

Все, что Васильев («Припадок») видит в доме терпимости, противоречит его нравственной норме; столкновение с уродливой действительностью приводит к припадку. Но в отличие от предыдущих героев Васильев пытается что-то изменить. Сначала он стремится понять причину падения проституток, поговорить с ними об их жизни, но в ответ получает только «угостите портером». Падшие женщины его просто не слышат, поскольку абсолютно равнодушно относятся к своему положению, и участие Васильева совершенно не трогает их. Затем герой пытается убедить приятелей в том, что пользоваться телом женщины за деньги – все равно, что принимать участие в убийстве, но это вызывает только раздражение:

«Не следовало бы связываться с этим дураком и болваном! Ты думаешь, что теперь у тебя в голове великие мысли, идеи? Нет, черт знает что, а не идеи! Ты сейчас смотришь на меня с ненавистью и с отвращением, а, по-моему, лучше бы ты построил еще двадцать таких домов, чем глядеть так. В этом твоём взгляде больше порока, чем во всем переулке!»²⁶⁵.

Во время припадка Васильев постоянно думает о том, как спасти людей, отвергая один вариант за другим. Если он спасет одну проститутку, то в жизни тысяч, даже миллионов проституток ничего не изменится. Если он убедит в своей правоте нескольких мужчин, то все равно останется множество других, которые равнодушно относятся к проституции, примером тому – его приятели. Понимая свое бессилие хоть в чем-то изменить мир, в конце рассказа Васильев с горечью говорит: «За то, что о падших женщинах я не могу говорить так же хладнокровно, как об этих стульях, меня лечат, называют сумасшедшим!»²⁶⁶. В рассказе говорится, что бромистый калий, морфий он принимал и раньше и знал, что припадок продлится не больше трех дней. Это значит, что аномалии мира постоянно вызывают у него ощущение нестерпимой душевной боли. Интересно отметить, что аномальное поведение людей приводит к припадкам, и те же люди лечат студента якобы от душевной болезни. Возникает ощущение, что он целиком находится под контролем аномального мира не в силах избавиться от него.

---

²⁶⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 7, с. 214.

²⁶⁶ Там же, с. 221

Таким образом, в рассказе «Припадок» нормальный человек напрасно пытается изменить мир, который непрерывно мучает и ранит его. В то же время страдания героя свидетельствуют о том, что человек не хочет сдаваться, не позволяет миру убить в себе человечность.

Еще более сильное влияние оказывает действительность на психику Громова, героя повести «Палата № 6». Душевная болезнь – мания преследования – формируется под воздействием общественных отношений, доминантой которых ему представляется насилие и несправедливость. Громов, безусловно, относится к типу героев Чехова, обладающих «талантом человечности». Его безумие есть прямой результат столкновения идеала и действительности. Контраст между возвышенным идеалом «безумных» и жестокостью «нормальных» людей доводится Чеховым до предела в образе-символе «палата № 6». Структура этого образа чрезвычайно сложна и не подлежит детальному рассмотрению в настоящем исследовании. Здесь достаточно отметить, что в этом образе поляризуются понятия одиночества, бессилия, беззащитности, с одной стороны, и грубого, тупого насилия – с другой. Эта оппозиция, существующая в действительности как бы в размытом состоянии, в «палате № 6» приобретает максимально концентрированное выражение.

Громов не может изменить мир, но чистота его души и сила убежденности оказывают огромное влияние на другого героя, который поначалу является его антиподом, - доктора Рагина. Несмотря на то, что у них во многом несходное мировоззрение, оба способны видеть ненормальность мира, оба считают обывателей пошлыми, поверхностными людьми. Разница в том, что Рагин предпочел философию невмешательства. Тому две причины: во-первых, Рагин лишен смелости истинного борца; во-вторых, его жизнь протекала спокойно, даже счастливо, как у Никитина в «Учителе словесности», он не знал, что такое боль, поэтому у него не было личных причин бороться. Только когда он попал в палату № 6, он первый раз в жизни понял, что такое страдание, осознал ненормальность своей прошлой жизни:

«И вдруг в голове его, среди хаоса, ясно мелькнула страшная, невыносимая

мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день эти люди... Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого? Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита, заставила его похолодеть от затылка до пят»²⁶⁷.

Этот монолог показывает, как далеки друг от друга два мира – обездоленных «безумцев» и «нормальных» людей.

Кроме того, из отношений Громова и Рагина видно, что люди, у которых есть общность нравственных критериев, привлекают друг друга. Хотя, с медицинской точки зрения, Громова и Рагина нельзя считать вполне нормальными людьми, их сближает именно наличие нравственной нормы, которой лишено большинство окружающих. К сожалению, в творчестве Чехова таких нормальных людей очень мало. Вероятно, поэтому они часто чувствуют себя одинокими.

Итак, мы проанализировали взаимосвязь между безумием мира и человека в семи произведениях Чехова. В зависимости от особенностей личности героев аномалии мира по-разному влияют на их психику. Однако между ними много общего: все герои страдают, но ни один из них не может ничего изменить. И все-таки в своих страданиях они стараются сохранить человеческое достоинство, нравственные идеалы.

3.2.4 Взаимовлияние «безумия мира» и личности

В этой части диссертации исследуется более сложная связь между миром и человеком: мир порождает аномальную личность, а аномальная личность, в свою очередь, влияет на окружающих, усиливая степень безумия мира.

Николай Иванович, герой рассказа «Крыжовник», в молодости был добрым человеком, любил деревню, склонялся к свободной жизни. Но с девятнадцати лет он стал работать в казенной палате, и с тех пор утратил чувство свободы, замкнулся в обывательской жизни. Контраст между скучной работой и детской жизнью в деревне

---

²⁶⁷ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 8, с. 125.

вызывает у него желание купить собственную усадьбу, которое со временем становится маниакальным: «Годы проходили, а он все сидел на одном месте, писал все те же бумаги и думал все об одном и том же, как бы в деревню. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь...»²⁶⁸. Очевидно, что Николай Иванович страдает от замкнутой, несвободной жизни, но происходит парадоксальная вещь – стремление к свободе обретает формы привычной жизни. Меняется лишь география и социальный статус: маленький мирок городской жизни, где он лицо подневольное, заменяется в его воображении таким же замкнутым мирком деревенской жизни, где он сам себе хозяин. Чтобы купить усадьбу, Николай Иванович стал страшно жадничать: «Деньги, как водка, делают человека чудаком»²⁶⁹, - говорит о нем брат. Его судьба в чем-то напоминает судьбу Ионыча: презирая поначалу обывательскую жизнь, он, в конце концов, так увлекается желанием приобрести собственность, что сам становится настоящим обывателем.

Поселившись в усадьбе, Николай Иванович постепенно деградирует не только как личность, но и физически. Как Ионыч, он пополнел, даже стал похож на свинью: «Щеки, нос и губы тянутся вперед, - того и гляди, хрюкнет в одеяло»²⁷⁰. Живя в усадьбе, Николай Иванович превратился в настоящего помещика, барина, в котором невозможно было узнать бывшего робкого чиновника. А.И. Богданович в «Критических заметках» о творчестве Чехова пишет, что в лице Николая Ивановича «Чехов сумел представить один из самых распространенных типов обывательской пошлости, человеческого ничтожества, самодовольного и бесцельного прозябания»²⁷¹. Таким образом, герой «Крыжовника» становится частью аномального мира.

Новый статус Николая Ивановича – полноправного хозяина усадьбы – позволяет ему влиять на окружающих. Существуют два типа его влияния: преследование и уподобление. Основным объектом его преследования в период городской жизни является жена: он держал ее впроголодь, был скуп, она стала чахнуть и через три года умерла. В «усадебный» период вся «Чумбароклова Пустошь» находится под влиянием Николая Ивановича, но это влияние носит характер уподобления. Приехав в усадьбу,

---

²⁶⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 58.

²⁶⁹ Там же, с. 59.

²⁷⁰ Там же, с. 60.

²⁷¹ Богданович А. И. Критические заметки //А. П. Чехов: PRO ET CONTRA с. 264.

Иван Иванович Чимша-Гималайский с трудом нашел вход в поместье, что указывает на замкнутый образ жизни хозяина. Во дворе рассказчик видит толстую собаку, толстую кухарку; оба они, как и хозяин, похожи на свиней. Неоднократно повторенное сравнение усиливает ощущение всеобщей лени, бесцельности существования. Тот, кто входит в усадьбу и остается там надолго, уподобляется окружению, становится неотъемлемой частью усадебной жизни.

Аномальный мир уподобляет себе Николая Ивановича, а затем он сам начинает либо преследовать, либо уподоблять себе окружающих. Иван Иванович, страдающий от страшной метаморфозы, произошедшей с братом, и понимающий, что таких самодовольных, равнодушных к чужому горю людей на свете множество, с горечью говорит своим собеседникам: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...»²⁷². Но его никто не хочет слушать, его собеседников эта история несколько не трогает. Таким образом, в обрамляющем сюжете вновь выявляется бессилие нормального человека изменить что-либо в окружающей действительности.

Наиболее концентрированным воплощением безумия мира являются созданные в разные периоды творчества, но генетически связанные образы унтера Пришибеева и учителя греческого языка Беликова. Пришибеев помешан на соблюдении «законов». Он преследует селян, мешает им нормально жить, взяв на себя ложно истолкованные функции государства. И хотя в конце рассказа Пришибеев побежден, но эта победа пришла после пятнадцатилетних преследований с его стороны, а наказание минимальное – всего лишь один месяц ареста. Приговор никак не влияет на Пришибеева, он все так же считает себя правым и даже возмущен очевидной, с его точки зрения, несправедливостью. Поэтому мы не знаем, что будет после его освобождения: не станет ли село Пришибеева таким же, как город Беликова. В рассказе «Человек в футляре» комичный унтер превращается в мрачную фигуру, в человека, который держит в страхе целый город в течение многих лет.

«Как бы чего не вышло» - излюбленная фраза Беликова. Эта формула страха и образ футляра играют важную роль в изображении взаимосвязи между героем и миром:

---

²⁷² Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 62.

с одной стороны, влияние мира на героя, с другой – его стремление самоизолироваться и одновременно навязать окружающим свою позицию. Теперь рассмотрим с этих двух точек зрения характер взаимовлияния между миром и Беликовым.

В отличие от Пришибеева, Беликов страдает от влияния мира: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге...», ночью «ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло», а утром многолюдная гимназия «была страшна, противна всему его существу»²⁷³. Очевидно, что по натуре Беликов крайне чувствительный, робкий человек, но одновременно человек, лишенный нравственного начала, регулирующего поведение в социуме, поэтому он стремится защитить себя «футлярами», прежде всего, разного рода запретами.

Из-за страха Беликов видит скрытую опасность почти в любой жизненной ситуации, поэтому ему понятны только «циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь»²⁷⁴. Подобный способ соблюдения порядка культивировался в то время и государством. Поэтому можно с уверенностью сказать, что увлечение Беликова запретами – не что иное, как влияние аномалий мира; в образе «человека в футляре» воплощена сама государственная система. Неслучайно учитель Коваленко называет этот город «полицейской будкой», ведь Беликов, как и Пришибеев, выполняет функции надзирателя и доносителя.

Этот маленький, ничтожный по сути человек вызывает всеобщий страх: «Под влиянием таких людей, как Беликова, за последние десять – пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...»²⁷⁵. Постепенно у всех появились свои «футляры», что свидетельствует о страшной силе воздействия аномалии. Но особенно страшно то, что смерть Беликова не означает конца беликовщины – умер один, осталось множество его двойников. Они уподобляют себе людей, создавая бесконечную прогрессию безумия.

В рассказе «Человек в футляре» брат и сестра Коваленки являются единственными

---

²⁷³ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 43, 45.

²⁷⁴ Там же, с. 43.

²⁷⁵ Там же, с. 44.

нормальными людьми в зараженном страхом городе. Неожиданный поворот сюжета – предполагаемая женитьба Вареньки и Беликова – несет важную смысловую нагрузку. В случае женитьбы один из них неизбежно должен измениться. Происходит борьба нормы и аномалии. Сначала кажется, что Варенька готова уподобиться Беликову - ей приятно его внимание, она не прочь выйти за него замуж. Но впоследствии негативные изменения происходят с самим Беликовым, столкнувшимся с живой нерегламентированной жизнью: «решение жениться подействовало на него как-то болезненно, он похудел, побледнел, и, казалось, еще глубже ушел в свой футляр»²⁷⁶. В конце концов, эта история привела его к смерти, мотивированной исключительно патологическим страхом перед жизнью.

Выводы

В данном параграфе было проанализировано четыре типа взаимосвязи между безумием мира и психопатологией личности. Три типа представляют собой одностороннее влияние мира на личность: аномальный мир формирует аномального человека либо уподобляет себе нормального человека, либо заставляет человека страдать. Чем более чувствителен, т.е. нормален человек, тем труднее ему живется в мире, так как он ясно видит безобразие жизни, но ничего не может изменить. Наоборот, те люди, которые сформированы миром или ассимилированы им, спокойно и даже счастливо ведут обывательское существование. Если у человека достаточно воли и желания жить свободно, то аномальный мир не в силах изменить его природу. И напротив, если человек лишен желания противостоять безумию окружающей действительности, если у него отсутствует воля, нравственный закон, то он легко деформируется как личность, уподобляясь среде.

Герои четвертого типа, сформированные миром, способны в большей или меньшей степени влиять на окружающих. Возникает потенциал бесконечной прогрессии безумия мира, в котором нормальный человек вынужден скрывать свое истинное «я».

---

²⁷⁶ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 10, с. 48.